

И. Н. РОМАНОВА
Республика Беларусь, г. Минск

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ (1918–1939)

Для социалистической культуры явственен глубокий раскол на официоз и андеграунд, обе культуры существовали в значительной степени автономно друг от друга. Однако линия разрыва проходила не горизонтально, а вертикально: деление было не по жанрам («высокие» и «низкие»), а по смысловому наполнению в рамках одних и тех же видов творчества. Сравнительный анализ сатирических произведений официальной и неофициальной культур, а также созданных ими отрицательных образов позволяет выявить, какие недостатки предлагала «видеть» народу власть и что в реальности думал народ по поводу власти и предлагаемых ею объектов для осмеяния, а также что подвергалось отрицанию через осмеяние самим народом. И хотя в большинстве случаев трудно с достаточной степенью достоверности выявить распространенность тех или иных мнений народа, однако даже беглый взгляд на проблему свидетельствует о практически полном несовпадении дискурсов.

В противоположность панегирическому «советскому фольклору», насаждавшемуся искусственно, значительная часть социально-политических произведений подлинно народного творчества посвящена негативным последствиям коллективизации. Некоторые из них более оптимистичные, отмечают недолговременность колхозов, так как крестьяне разбегутся из них либо колхозы развалятся сами по себе.

В фольклоре народ возлагает ответственность за создавшееся положение не на абстрактных врагов народа, как предлагала ему пропаганда, а на конкретных носителей власти. Официальная пропаганда рисовала вождя гениальным, мудрым и дальновидным политиком. Народная же культура посредством создания своего, альтернативного образа правителя, разрушала создаваемый пропагандой имидж вождя: если официальный культ был серьезен, то неофициальный – комичен [3, 175]. Оппозиция народ – вождь обыгрывается в национальных характеристиках (Ленин – еврей, Сталин). Правитель, таким образом, изначально предстает в образе инородца, чужого. «Жидами» объявлялись все ком-

мунисты, а их власть – «жидовской» [1; 3, 130]. Доставалось в частушках и руководителям более мелкого ранга, они предупреждались о неизбежности расплаты.

Как свидетельствуют источники, частушки в оппозиционной народной культуре занимали абсолютно лидирующее положение. Но было и другое. Ответной реакцией народа на быстрое наступление бюрократического новояза и сопутствующих ему малопонятных и малопривлекательных аббревиатур было возникновение многочисленных и разнообразных их расшифровок, чаще всего с ироническим оттенком: ВЧК – Всякому человеку конец, ВКП(б) – второе крепостное право большевиков, МТС – могила товарища Сталина; ОГПУ – О, Господи, помоги убежать. Органы ГПУ отмечали и большую популярность в народе «издевки над советскими лозунгами».

Частушки более характерны для сельской местности, продуктом городского творчества является анекдот. В 1930-е гг. много анекдотов было на запретную для обсуждения тему репрессий и террора [2, 222].

Народные сатирические произведения имели один источник распространения – передачу «из уст в уста». Официальная сатира представлена на страницах специальных изданий, прежде всего журнала «Крокодил», а также в сатирическо-юмористических рубриках на страницах других газет и журналов. Так, во второй половине 1930-х гг. журнал «Крокодил» постоянно обращался к теме глупости, лени и продажности советских бюрократов. Очень популярной являлась тема блата (при поступлении в университет, получении медицинских справок, мест в домах отдыха и ресторанах; добывание чиновниками для себя и своих знакомых дефицитных товаров и т. д.). Карикатуры и фельетоны показывали, как чиновники отсутствуют на рабочем месте, а если и присутствуют – не слушают граждан, умоляющих выдать им «бумажки». Кроме того, сатира боролась за повышение общекультурного уровня граждан. В 1939 г., в период мимолетной официальной кампании против «ложных доносов», героями сатиры стали доносчики.

Народные сатирические образы противостояли не только официальной пропаганде, но и официальной сатире: последняя исходила из того, что в несовершенстве советской действительности виноваты «отдельные несознательные члены общества», эти недостатки могут и должны быть исправлены, а несознательные элементы – перевоспитаны. Смех же в народных сатирических произведениях имел универсальный характер и был направлен на все и вся. Советская действительность изображалась как мир «чужого», «враждебного», этот мир не мог стать «своим» посредством исправления частных недостатков.

1. Заветные частушки из собрания А. В. Волкова: В 2 т. Т. 1: Политическая частушка. М., 1999.
2. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.
3. *Davis S.* Popular opinion in Stalin's Russia: terror, propaganda and dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997.